

Rech' Gorbacheva v Fultone, SShA, 6 maia 1992 g.

Source: International Fund of Socio-Economic and Political studies. ("Gorbachev Fund"), Russia, Leningradsky pr.,49, Moscow, 125468.

Copyright: All rights of reproduction, public communication, adaptation, distribution or dissemination via Internet, internal network or any other means are strictly reserved in all countries.

The documents available on this Web site are the exclusive property of their authors or right holders.

Requests for authorisation are to be addressed to the authors or right holders concerned.

Further information may be obtained by referring to the legal notice and the terms and conditions of use regarding this site.

URL: http://www.cvce.eu/obj/rech_gorbacheva_v_fultone_ssh_a_6_maia_1992_g-ru-b093ba2c-2a64-4621-b723-505841bf86f5.html



Last updated: 12/01/2016

Река времени и величие действия *

Мы находимся перед скульптурой ¹, в которой фантазия художника с необычайной выразительностью и лаконизмом передала драму “холодной войны”, неудержимого стремления человека пробиться сквозь стену отчуждения и конфронтации. Символично, что этим художником стала внучка Уинстона Черчилля и что эта скульптура установлена именно в Фултоне.

Свыше 46 лет тому назад здесь, в Фултоне выступил Уинстон Черчилль. В моей стране именно эту его речь отождествляли с формальным объявлением “холодной войны”. Там действительно впервые были произнесены слова “железный занавес” и прозвучал призыв ко всему западному миру сплотиться против угрозы со стороны тирании в лице Советского Союза и коммунистической экспансии. Все остальное в этой речи, включая анализ мировой послевоенной ситуации, мысли о возможности предотвращения третьей мировой войны, о перспективах прогресса, о методах обустройства послевоенного мира, — все это оставалось неизвестным для советских людей.

Теперь, отдавая дань уважения этому выдающемуся государственному деятелю, мы можем спокойнее и объективнее оценить достоинства той его речи, но также и ограниченность заключенного в ней анализа, идей и прогнозов, неправомерность стратегических установок.

С тех пор мир, в котором мы живем, претерпел глубочайшие изменения. Тем не менее, как это ни парадоксально, существует некое сходство между ситуацией в то время и нынешней.

Тогда тоже практически распалась существовавшая до войны структура международных отношений. Возникла новая расстановка сил и новый расклад интересов и претензий. Наметились иные тенденции мирового развития, перспективы которых вырисовывались неясно. Появились новые возможности прогресса. Потребовались ответы на вызовы новых субъектов международных отношений. Атмосфера была насыщена не только большими надеждами, но и подозрениями, взаимным непониманием, непредсказуемостью. Иными словами, возникла ситуация всемирно-исторического выбора.

Величие Черчилля состояло в том, что он первый среди деятелей высшего тогда ранга понял это.

Действительно, перед мировым сообществом, уже создавшим к тому времени Организацию Объединенных Наций, открывался уникальный шанс повернуть вектор мирового развития, принципиально изменив в нем роль насилия и войны.

И, конечно, в решающей степени это зависело от Советского Союза и Соединенных Штатов. Нет необходимости объяснять — почему.

И вот я хотел бы начать свои рассуждения с того, что СССР и США упустили тогда этот шанс — вывести свои отношения в принципиально новое русло и тем самым положить начало иному, чем до войны, характеру мироустройства. Думаю, понятно, что я веду речь не об установлении чего-то вроде кондоминиума над остальным миром. Шанс находился совсем в другой плоскости.

Если бы Соединенные Штаты и Советский Союз были бы в состоянии правильно понять свою ответственность, разумно соотнести свои национальные интересы и усилия с правами и интересами других государств и народов, планета сегодня была бы более удобным и благоприятным местом для жизни людей.

Что касается меня, то я уже не раз критически оценивал внешнюю политику сталинского руководства в те годы. Оно не только не сумело по-новому, с учетом опыта и итогов войны оценить историческую логику межвоенного периода и сделать выбор, отвечающий изменившейся реальности. Оно допустило грубейшую ошибку, приравняв победу демократии над фашизмом к победе социализма и сделало установку на распространение социализма по всему миру.

Но со стороны Запада, в первую очередь Соединенных Штатов, тоже была допущена ошибка: были непомерно завышены возможности Советского Союза. Несостоятельным и опасным был вывод о вероятности открытой советской военной агрессии. Этого не могло быть не только потому, что Сталин, как и в 1939–41 годах, войны боялся, войны не хотел и никогда бы на большую войну не пошел бы. Но и потому, что страна была измождена и разорена, потеряла десятки миллионов, народ возненавидел войну. Армия, солдаты, одержав победу, рвались домой, к мирной жизни.

С включением "ядерного компонента" в мировую политику и развязыванием на этой основе чудовищной гонки вооружений, — а инициатором тут были США, Запад, — произошло то, что у юристов называется "превышением необходимой обороны". Тут роковая ошибка.

Таким образом, позволю себе утверждать, что у правящих кругов стран-победительниц не было адекватного стратегического видения образовавшихся в результате войны возможностей мирового развития, а, следовательно, и подлинного понимания национальных интересов своих государств.

Под прикрытием фраз о миролюбии и защите интересов народов с обеих сторон принимались решения, которые раскололи мир, только что справившийся с фашизмом именно потому, что сумел объединиться.

И оправдывалось это с обеих сторон идеологией. Противоборство изображалось как неизбежное противостояние добра и зла. Разумеется, все зло вваливалось на соперника. И так продолжалось десятилетия, пока не увидели, что приближаемся к пропасти.

Почему я все это говорю? потому что допущенные тогда ошибки, тоже в переломный момент всемирной истории, поучительны.

В основных центрах мировой политики выбор теперь вроде бы сделан, — выбор в пользу мира, сотрудничества, взаимодействия, общей безопасности. Вместе с тем с исчезновением прежних противоречий на передний план начинают выдвигаться иные. И взяв курс на новую цивилизацию, никак нельзя вновь допустить интеллектуальной, а потом и политической ошибки, истолковав победу в "холодной войне" почти исключительно как свою, своего образа жизни, своих ценностей и достоинств. Говорить, что победу одержал капитализм над коммунизмом, — большое упрощение, тем более, что никакого коммунизма и даже социализма нигде как общества не существовало.

Это была победа над мертвящей, влекущей нас к гибели "схемой" развития человечества, разрыв порочного круга, в который мы сами себя загнали. это была общая победа здравого смысла, разума, победа демократии, общечеловеческих ценностей. и убежден, что никакой альтернативы "капитализм-социализм", никакого реального противостояния в этом духе 21 век знать не будет. из этого надо исходить тем, кто формирует сейчас мировую политику.

Черчилль призывал к суперстратегическому мышлению. Оно подразумевало способность подняться над побочными проблемами и частностями текущего бытия, выявить главные тенденции и ориентироваться по ним.

Сейчас мы говорим о "новом мышлении", которое, впрочем, включает и это требование.

Итак, каковы особенности мировой ситуации перед нами? О позитивном, что произошло за последние годы, написаны целые книги. Поэтому выделю основное пунктиром.

На протяжении многих десятилетий мы жили под страхом взаимного уничтожения. Сейчас мы — пусть не полностью и не всюду — избавились от него. Не следует этого преуменьшать.

Освобождение от страха расширяет пространство для здравомыслия, для спокойных, взвешенных решений.

В прошлом значительная часть государств находилась в той или иной степени в зоне тоталитарного господства. Эта зона теперь заметно сократилась, а там, где такое господство еще сохранилось, оно подвержено сильному давлению извне и изнутри. Общедемократические ценности стали мощным фактором взаимопонимания и взаимоприятия большинства народов и государств.

В сфере межгосударственной политики главным ориентиром был образ врага и деление на своих и чужих. Соответственно строились военные доктрины, происходила мобилизация материальных и духовных ресурсов, действовали блоки и иные группировки. Считалось, что в борьбе с противником можно пойти и на союз с самим дьяволом. В результате страдало не только международное право. Под воздействием образа врага формировались (точнее — деформировались) сознание, общественная мораль сотен миллионов людей.

Однако значительность произошедших перемен, открывших большие надежды, не должна закрывать от нас опасности, с которыми уже столкнулись наши современники. Было бы в высшей степени трагично, изжив, наконец, мир "образца 1946 года", вновь обнаружить себя в мире "образца 1914 года". Именно сейчас, не теряя времени, нужно употребить максимум международных усилий, чтобы сделать необратимым перелом в пользу мира на основе демократии, и не для половины, а для всего человечества. Целиком согласен с этой формулой Госсекретаря Джеймса Бейкера.

Будет ли когда-либо мировой процесс подчинен рациональному началу? Этого никто не скажет. Полностью, пожалуй, никогда. Но стремление к упорядоченности общего бытия на Земле не должно сопровождаться уступками прошлому, попытками реставрировать старый порядок.

Ведь это факт, что прекращение противостояния мировых блоков и крах тоталитарных режимов высвободили замороженные на время центробежные силы, территориальные и межгосударственные противоречия и претензии, поощрили гипертрофированный национализм, своего рода супернационализм. Он уже привел к большой крови. Но это не значит, что справляться с новыми проблемами можно, возвращая тоталитарное правление и глобальную конфронтацию. А как справляться? Как делать это цивилизованно, в демократических рамках, в общих интересах и в интересах тех, кто пострадал или кто оказался в гуще конфликта? Какой-то опыт уже накоплен. Разный этот опыт — в Персидском заливе, в Югославии, в Камбодже, в Корее, на Кавказе, в Прибалтике, в связи с землетрясением в Армении, Чернобыльской катастрофой... Есть опыт гуманитарной и экономической солидарности с Россией, другими государствами бывшего СССР, оказавшимися в тяжелейшем кризисе. Важно, что на всех этих разнохарактерных действиях международного сообщества — печать новой атмосферы в мире, сложившейся, между прочим, благодаря политике перестройки и нового мышления.

Одна из наиболее грозных опасностей нового типа — экологическая. Когда Уинстон Черчилль произносил здесь свою речь, люди планеты в большинстве своем даже не подозревали о смертельной угрозе с этой стороны. А теперь — и климатические сдвиги глобального характера, чреватые "термической ловушкой", и "озоновые дыры", и кислотные дожди, и отравление атмосферы, почвы, воды, лесов промышленными, бытовыми и оборонными отходами.

Исчезновение глобального противостояния ядерных супердержав и идеологической, классовой конфронтации двух систем еще больше обнажило главное противоречие современности — противоречие между богатыми и бедными странами, между "Севером" и "Югом", хотя эти термины стали теперь более чем условными.

От того, что ряд стран "Юга" вырвались из нищеты и отсталости, а некоторые наступают на пятки старым развитым странам, суть проблемы не меняется. И соотношение бедности и богатства в современном мире тоже не улучшается. Оно, наоборот, ухудшилось из-за глубокого кризиса в государствах, образовавшихся на месте СССР, затронув почти триста миллионов людей на огромных пространствах, причем на самом "Севере".

Рассчитывать, будто эти и другие проблемы как-то рассосутся сами собой и все образуется, не

приходится. На самонастраивающиеся механизмы природного и экономического свойства уже нельзя рассчитывать. Они больше не срабатывают. Человек совершил столько преступлений против природы и самого себя, что теперь только он сам — через разумные и вполне осознанные решения — может поправить дело, сохранить род человеческий и продолжить общественный прогресс.

Это возможно. То, что произошло в политическом миропонимании значительной части мирового сообщества за последние годы, подтверждает такую возможность. Нужны принципы и механизмы для превращения ее в действительность. Принципы есть. Они общеизвестны.

Я уже объявлял о своей приверженности им в Нью-Йорке, на Генеральной ассамблее ООН в конце 1988 года. С тех пор они подверглись суровым испытаниям, прежде всего в моей стране. И выдерживают это испытание, несмотря на то, что переделка жизни на основе этих принципов, а они же и общечеловеческие ценности, дается тяжело.

Победа над тоталитаризмом обернулась сильным разрушением материальной базы, подрывом социальной устойчивости, острыми политическими и вооруженными конфликтами, дестабилизацией на огромном ранее целостном пространстве. Нарушены нормальные условия человеческого существования во всей Северной Евразии.

Несмотря на все это, лишь ничтожное меньшинство хочет возврата назад — к убогой и унижительной жизни под тоталитарным покровом. Попытка в августе 1991 года силой вернуть общество назад закончилась сокрушительным поражением.

Я понимаю деликатность напоминания здесь о солидарности, о помощи, о необходимости чем-то жертвовать в общих интересах.

Но если говорить о нашей беде — это теперь и общая беда. Соответственно, должно быть, и придется поступать.

Ведь оказалось:

— что ядерное и химическое разоружение, то есть значит и конверсия, не везде возможны без внешнего участия; они требуют затрат и значительных;

— что переход планово-командной экономики к социально — рыночной — тяжелейший процесс, который тоже нуждается в поддержке, помощи и сотрудничестве;

— что отказ от государственного унитаризма и приказных методов управления высвобождают (пусть на время) также и разрушительные силы, которые приходится обуздывать на международном уровне, а значит и идти на затраты; а если средств нет, то под угрозой оказывается сама демократия;

— что терроризм и наркобизнес касаются всех, но не все имеют возможности и большие деньги для борьбы с ними. Это относится и к массовым болезням, особенно чуме XX века — СПИДу;

— что экологическая угроза не будет ждать, пока все страны смогут вносить свою долю в ее преодоление, в гашение тех ее очагов, которые несут опасность для всех;

— что голод и вообще сокращение до крайности элементарных средств существования могут спровоцировать социальные потрясения международного масштаба;

— что энергетический кризис, который может последовать за демонтажем, а еще хуже — авариями на АЭС, поразит весь мир, не говоря о том, что захоронение отходов от АЭС и ликвидация ядерных боеголовок уже сейчас представляют серьезнейшую всеобщую проблему.

И т.д. и т.п.

Решение этих задач требует объединенных усилий. И, конечно,— высочайшей ответственности политиков, государственных деятелей, ученых, делового мира, религиозных инстанций, средств массовой информации, всей общественности. Нужны международные механизмы.

В моем положении не очень уместно давать им названия. Важно, чтобы они от имени международного сообщества были бы полномочны заниматься проблемами. Без этого нечего и говорить о новой эре, о новой цивилизации.

Ограничусь обозначением направлений деятельности и компетенции таких механизмов.

— Ядерное и химическое оружие. Жесткий контроль за нераспространением вплоть до принудительных мер в случае нарушений. Заключение соглашения между всеми существующими сейчас ядерными государствами о порядке сокращения и ликвидации этого оружия. Подписание, наконец, всемирной конвенции о химическом оружии.

— Мирное использование атомной энергии. Усиление прав МАГАТЭ и императивное включение в ее систему всех государств, ведущих работы в этой области. Больше гласности и жесткости в деятельности МАГАТЭ. Создание под эгидой ООН мощного консорциума для финансирования модернизации или ликвидации АЭС с большой степенью риска, а также для захоронения отходов. Вести дело к стандартизации атомной энергетики в мировом масштабе. Ускорить и расширить работы по ядерному синтезу.

— Экспорт обычных вооружений: прекратить на государственном уровне к 2000 году, а в районы вооруженных конфликтов — немедленно. Приравнять нелегальный экспорт к международному терроризму и наркобизнесу.

— По названным выше вопросам институционализировать координацию разведок государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН, состав которого нуждается в некотором расширении, о чем я скажу.

— Региональные конфликты. С учетом беспристрастно изученного опыта, полученного на Ближнем Востоке, в Африке, в ЮВА, в Корее, Югославии, на Кавказе, Афганистане, образовать специальный орган при СБ ООН, облеченный правом применять политические, дипломатические, экономические и военные средства для урегулирования и предотвращения конфликтов.

— Права человека. В европейском процессе официально признана универсальность этой общечеловеческой ценности, то есть допустимость международного вмешательства там, где нарушаются права человека. Задача непростая даже для тех, кто подписался под Парижской Хартией 1990 года, тем более — для всех государств ООН. Полагаю, однако, что новый мировой порядок не будет полноценным, если ООН, Совет Безопасности не создадут структур (с учетом также и ныне существующих региональных и ООНовских), уполномоченных вводить санкции и использовать другие принудительные средства, особенно когда речь идет о вопиющем попрании прав меньшинств, групп населения, отдельных лиц.

— Экология. Вскоре в Рио де-Жанейро состоится первая всемирная конференция на уровне глав государств. Хотелось бы думать, что дело не ограничится анализом, дискуссиями, урегулированием разногласий, а будет создан международный механизм с экстерриториальными правами и полномочиями.

— Продовольствие, демография, экономическая помощь. Не случайно именно в такой связке обозначил эти проблемы. От их решения зависит и биологическая жизнеспособность населения Земли, и минимальная для цивилизованного существования государств и народов социальная стабильность. Этими проблемами занимаются — и давно — мощные научные, общественные, финансовые, политические организации, в их числе — авторитетнейший Римский клуб. Однако

складывающийся новый тип международного взаимодействия позволяет уже осуществить перелом в практическом подходе к ним. Я предложил бы в будущем году провести на эту тему всемирную конференцию по типу предстоящей вскоре экологической.

Дамы и господа! Все названные проблемы требуют иного уровня организованности международного сообщества. Однако именно сейчас, на этапе резко возросшей взаимозависимости в мире, одновременно болезненно обострилось восприятие многими государствами своего суверенитета, а народами — своей национальной самостоятельности и идентичности. Это одно из новейших глобальных противоречий, которое придется преодолевать сообща.

Что оно принципиально преодолимо, свидетельствует опыт Европейских Сообществ и, хотя пока еще в малой степени, опыт европейского процесса в целом.

Решающую роль здесь может и должна сыграть Организация Объединенных Наций. Конечно, ей и ее органам придется перестраиваться, чтобы выйти на уровень новых задач.

Эта идея, обсуждается давно и выдвинуто много предложений. У меня нет какого-то собственного плана реорганизации ООН. Выскажусь лишь по основным параметрам назревших перемен.

Возникшая из итогов и уроков второй мировой войны Организация Объединенных Наций до сих пор несет на себе печать времени своего создания. Это касается как состава ее органов и вспомогательных учреждений, так и их функционирования.

Ничем, например, кроме изжившего себя деления на победителей и побежденных, нельзя объяснить отсутствие среди постоянных членов Совета Безопасности ООН таких великих держав, как Германия и Япония. Вообще, считаю, нужно безотлагательно исключить из Устава ООН статью 53 о "вражеских государствах". Критерий обладания ядерным оружием также был бы явным архаизмом для новой эпохи, в которую мы вступаем. В Совете Безопасности должна быть представлена великая Индия. Авторитет и возможности его были бы подняты за счет включения на постоянной основе Италии, Индонезии, Канады, Польши, Бразилии, Мексики, Египта, пусть первоначально без права вето.

Совету Безопасности потребуются лучшее оснащение, более эффективные и, в частности, более многочисленные силы по поддержанию мира. При определенных обстоятельствах желательна передача национальных вооруженных сил в распоряжение Совета Безопасности и подчинение их общему военному командованию ООН.

Уже выдвинуто — и я его поддерживаю — предложение о создании глобальной системы наблюдения за чрезвычайными ситуациями. Генеральный секретарь ООН должен иметь возможность вводить ее в действие еще до того, как конфликт приобретет насильственный характер.

Более тесная координация органов ООН с региональными структурами только повысит возможности упорядочения мировых процессов.

Разумеется, для современной роли ООН, и прежде всего обновленного расширенного и усиленного Совета Безопасности, нужны большие деньги. Метод финансирования ООН, принятый при ее основании, показал свои слабости сразу же, как только в последние годы активность ее возросла и она стала приближаться к реальному выполнению задач, которые ей предписали основатели. Этот метод должен быть дополнен каким-то механизмом, связывающим ООН с мировой экономикой.

Мысль может показаться на первый взгляд нереалистической. Но будем уповать на то, что уже начался процесс гуманизации бизнеса, происходит его мощная интернационализация, технологическая и политическая, и он все более органично смыкается с современной мировой политикой, в которую брошены семена "нового мышления".

Демократии сегодня предстоит доказать, что она может существовать не только как антитеза тоталитаризму. Но для этого ей надо перейти с национального уровня на международный. Не только союз демократических государств, но и демократическо организованное мировое сообщество — вот что стоит ныне на повестке дня.

Итак, мы живем в переломный период. Закончилась одна эпоха, начинается другая. Какой конкретно она будет, никто не знает. Будучи долгое время ортодоксальными марксистами, мы были уверены, что знаем. Жизнь и на этот раз опровергла претендентов на всезнайство и мессианскую роль. Ясно, что XX век вскормил необъятные возможности. От него же мы наследуем и страшные, апокалиптические угрозы. Но в нашем распоряжении великая наука, которая поможет нам избежать грубых просчетов. Выстояли в наш страшный век нравственные ценности, которые поддержат и помогут нам на труднейшем переходе человеческой истории из одного качественного состояния в другое.

Заканчивая выступление, возвращусь к тому, с чего начал. Черчилль с этой трибуны призывал спасти мир и прогресс, апеллируя к ООН, но прежде всего — к англо-саксонскому единству, как ядру, к которому могли бы примкнуть остальные. И решающую роль в достижении цели должна была сыграть, по его убеждению, все-таки сила, прежде всего — вооруженная сила. Он и речь-то свою озаглавил "Мускулатура мира".

Цель ныне та же: мир и прогресс для всех. Но мы имеем теперь возможность идти к ней, не платя столь огромную цену, как в прошедшие почти 50 лет, не прибегать к таким средствам, которые ставят под вопрос саму цель, не создавать такой "силы", которая несет угрозу самой цивилизации.

И, признавая по-прежнему выдающуюся роль Соединенных Штатов Америки, а теперь и других богатейших и высокоразвитых современных держав, апеллировать должно не к избранным, а ко всему мировому сообществу. Ибо в принципиально новой мировой ситуации огромное большинство объединенных наций, надеюсь, будет способно организовать и совместно действовать на принципах демократии, равноправия, баланса интересов, здравого смысла, свободы выбора и готовности сотрудничать. Умудренные трудным опытом, они, думаю, смогут поступиться, когда надо, эгоистическими соображениями ради достижения общей высокой цели, предназначенной человеку на Земле.

* Речь в Фултоне, США, 7 мая 1992 года.

1. Речь идет об установленной в Вестминстерском колледже монументе "Прорыв", представляющим собой кусок Берлинской стены, как бы пробитой насквозь человеческими фигурами. Автор - Эдвина Сэндис, внучка У.Черчилля.